

Переписка великой княгини Екатерины Алексѣевны и англійскаго посла сэра Чарльза Гэзбюри Уилльямса, какъ историческій памятникъ.

Вь середины истекшаго 1909 года явилась возможность всякому, интересующемуся личностью императрицы Екатерины II, познакомиться съ ея дѣятельностью въ бытность великой княгиней, благодаря выходу въ свѣтъ ея переписки съ англійскимъ посломъ Уилльямсомъ.

Переписка эта, изданная Императорскимъ обществомъ исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ, обнимаетъ почти цѣлый годъ, съ 31-го іюля 1756 г. по 2-е іюля 1757 г. включительно. Велась она на французскомъ языкѣ. Всѣхъ писемъ сохранилось 157, изъ которыхъ 70 принадлежатъ Екатеринѣ, а остальные—Уилльямсу. По словамъ Горяинова, автора предисловія къ этому изданію, изъ писемъ великой княгини только три написаны ея рукой; остальные же дошли до насъ въ копіи¹⁾. Всѣ же письма Уилльямса сохранились въ оригиналѣ, хотя часть изъ нихъ писана подъ диктовку.

Названная переписка только 10 мая 1864 г. была передана въ Государственный Архивъ въ видѣ двухъ переплетенныхъ тетрадей. Письма Екатерины и отвѣты Уилльямса расположены въ этихъ тетрадяхъ безъ соблюденія хронологическаго порядка и даже безъ строгаго разграниченія писемъ отъ отвѣтовъ. Это приводитъ насъ къ мысли, что вся переписка до поступленія ея въ Государственный Архивъ находилась въ однихъ рукахъ. Возникаетъ вопросъ: какимъ образомъ это случилось?

¹⁾ С. И. Горяиновъ на основаніи этой же переписки составилъ статью „На пути къ трону“, которую напечатали въ „Русской Мысли“ 1909 г. №№ 2 и 3.

Горяиновъ предполагаетъ, что письма Уилльямса были возвращены великой княгиней ихъ автору при его отъздѣ изъ С.-Петербурга въ 1757 г. ¹⁾ Но это предположеніе едва-ли соответствуетъ дѣйствительности и едва-ли уместно, такъ какъ въ самой перепискѣ мы находимъ далеко не сбивчивое разъясненіе этого вопроса. Такъ, письмо отъ 8 августа 1756 г. Екатерина заканчиваетъ словами: „Я съ большимъ сожалѣніемъ возвращаю вамъ ваше письмо“ ²⁾. Въ запискѣ же отъ 28 сентября она говоритъ: „Вотъ ваши письма, кромѣ большой депеши, которую я хочу еще перечитать“ ³⁾. Эти двѣ фразы ясно указываютъ на то, что отвѣты Уилльямса не залеживались у великой княгини, а возвращались ему при новыхъ ея письмахъ. Въ свою очередь и англійскій посоль, что видно изъ переписки, за малыми исключеніями, возвращалъ Екатеринѣ Алексѣевнѣ ея записки съ тѣмъ же посланнымъ, который приносилъ его отвѣты. Такъ, письмо отъ 13 августа онъ начинаетъ словами: „Я возвращаю, милостивый государь, два изъ вашихъ писемъ“ ⁴⁾. Записка его отъ 21 сентября оканчивается словами: „Я отвѣчу на ваше (письмо) завтра и возвращу вамъ его тогда же“ ⁵⁾. Другая вариация въ запискѣ отъ 25 сентября: „Я сохраню; еще одно изъ вашихъ (писемъ), на которое надѣюсь скоро отвѣтить“ ⁶⁾. То же мы читаемъ въ запискѣ отъ 5 ноября.

Возвращая великой княгинѣ ея письма, Уилльямсъ предварительно снималъ съ нихъ копіи. Въ этомъ убѣждаетъ насъ то, что на оборотѣ листа, содержащаго копію записки Екатерины Алексѣевны отъ 31 декабря, написаны по-англійски рукою Уилльямса—какъ указано въ изданной перепискѣ—слѣдующія слова: „Милый другъ и родственникъ, предъявитель сего М..“ ⁷⁾. На это указываетъ также и то, что въ хранящейся въ Государственномъ Архивѣ тетради, какъ сообщается въ изданной перепискѣ, послѣ записки Екатерины отъ 23 сентября слѣдуетъ листъ съ двумя-тремя начальными строками этой записки; при чемъ строки эти перечеркнуты карандашомъ, а внизу листа написано по-англійски: „Это вторая начатая копія“ ⁸⁾.

¹⁾ Предисловіе къ изданію, стр. V.

²⁾ Переписка, стр. 23.

³⁾ Тамъ же, стр. 184.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 41. Надо замѣтить, что всѣ письма Екатерины, за исключеніемъ одного, безъ подписи и написаны какъ бы отъ мужчины. Уилльямсъ въ свою очередь адресуется къ ней, какъ къ знатному господину.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 165.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 173.

⁷⁾ Тамъ же, стр. 313.

⁸⁾ Тамъ же, стр. 170.

Такимъ образомъ, сохраненіемъ переписки въ такомъ видѣ, въ какомъ она дошла до насъ, мы обязаны самому Уилльямсу, который увезъ ее въ 1757 г. въ Англію. Послѣ же его смерти она, вѣроятно, хранилась у кого-либо изъ довѣренныхъ ему лицъ, почему до шестидесятихъ годовъ 19-го столѣтія и оставалась совершенно неизвѣстной въ Россіи.

Изъ историковъ до настоящаго времени съ этой перепиской имѣлъ дѣло только Соловьевъ, который привелъ даже нѣсколько выдержекъ изъ нея въ своей „Исторіи Россіи“ (24-й томъ, стр. 934—936). Брикнеръ же хотя и упоминаетъ въ своей „Иллюстрированной исторіи Екатерины II“ объ этой перепискѣ, но онъ знаетъ о ней только по „Исторіи Россіи“ Соловьева. Это явствуетъ изъ первой ссылки на страницѣ 81-й его труда. Сличеніе же 79—81 страницъ его исторіи съ указаннымъ раньше мѣстомъ исторіи Соловьева обнаруживаетъ, что Брикнеръ помѣстилъ въ своемъ трудѣ все безъ исключенія выдержки Соловьева изъ рассматриваемой нами переписки.

Имѣя въ виду по возможности освѣтить тотъ незначительный періодъ жизни Екатерины II въ бытность ея великой княгиней, который обхватываетъ ея переписка съ Уилльямсомъ, мы попытаемся сначала изложить вкратцѣ ея біографію до середины 1756 г., а также дадимъ краткія свѣдѣнія о сэрѣ Уилльямсѣ.

Екатерина II родилась 21-го апрѣля 1729 года въ Штетинѣ, гдѣ въ то время стоялъ прусскій пѣхотный № 8 полкъ, командиромъ котораго былъ ея отецъ, генераль-маіоръ прусской арміи, ангальтъ-цербстскій князь Христіанъ-Августъ. При крещеніи принцесса была наречена Софіей-Августой-Фредерикой. Она „росла и воспитывалась подъ наблюденіемъ своей матери—умной, энергической, веселой и, какъ все умные люди, честолюбивой княгини Юганны-Елисаветы. Мать держала ея очень просто: дѣвочка играла съ дѣтьми горожанъ; ее никто не называлъ принцессой, ни даже Софіей, а уменьшительнымъ Фике; на гуляньяхъ въ городскомъ саду она терялась въ толпѣ дѣтей, рѣзвилась, бѣгала со свертниками“¹⁾. Во время этихъ игръ она, какъ припоминали позже, всегда брала на себя роль руководительницы. Съ годами мать все меньше и меньше стала заниматься ею, чѣмъ и объясняется то, что дочь осталась чужда зависти, страсти къ интригамъ, любви къ сизлетѣ и злословію, непривлекательнымъ качествамъ своей матери. Воспитатели и учителя ея въ большинствѣ были французы. Изъ нихъ съ особеннымъ удовольствіемъ Екатерина вспоминала гувер-

¹⁾ Бильбасовъ „Исторія Екатерины II“, т. I, стр. 6.

нантку, французенку Кардель, которая старалась пріохотить принцессу къ чтенію. Довольно важнымъ воспитательнымъ средствомъ являлись поѣздки съ родителями въ Цербстъ, Гамбургъ, Брауншвейгъ, Берлинъ и Эйтинъ. Въ январѣ же 1744 г. принцессѣ Софіи пришлось предпринять со своею матерью болѣе далекое путешествіе.

Императрица Елисавета Петровна выбрала ангальтъ-цербстскую принцессу въ жены своему племяннику, наслѣднику престола Петру. И княжна Юганна-Елисавета, по приглашенію императрицы, поѣхала съ дочерью въ Россію.

Еще дома, конечно, принцесса Софія слышала о богатствѣ и пышности русскаго двора; но картины, которыя она рисовала въ своемъ воображеніи, и которыя не могли совсѣмъ отдѣлиться отъ привычной ей съ дѣтства обстановки, не походили на то, что ей пришлось увидѣть. Крайнія неудобства переѣзда отъ Берлина до русской границы на почтовыхъ и обывательскихъ лошадяхъ смѣнились для принцессы и ея матери, со вѣзда въ Ригу, неизвѣданными ими до той поры почестями, пышностью и комфортомъ. Небольшая остановка въ Петербургѣ и переѣздъ со всѣми удобствами до Москвы, гдѣ въ то время находился дворъ, очаровали 14-лѣтнюю Фике. Уже знавшая, конечно, о лестномъ для нея выборѣ русской императрицы, она все болѣе и болѣе проникалась рѣшимостью преодолѣть тѣ еще неизвѣстныя ей препятствія къ ея браку съ великимъ княземъ, на которыя намекалось въ письмахъ изъ Россіи и Берлина къ княгинѣ Юганнѣ-Елисаветѣ.

Благодаря привлекательной наружности, принцесса Софія сразу произвела выгодное впечатлѣніе на императрицу и великаго князя. Недюжинный же умъ, на которой еще раньше указывалъ ея матери графъ Гюлленборгъ, и привычка къ самостоятельности, проявлявшаяся еще на родинѣ, помогли ей привлечь къ себѣ симпатіи окружающихъ. Понявъ, что ей прежде всего нужно стать православною и усвоить русскій языкъ, она съ такимъ увлеченіемъ начала изучать православный Законъ Божій и русскую грамоту, что даже по ночамъ вставала для этого. Во время болѣзни, перенесенной вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву, принцесса еще болѣе привязала къ себѣ окружающихъ. Этому способствовало какъ то, что причиной болѣзни было усиленное изученіе русскаго языка—она простудилась при ночныхъ занятіяхъ полуодѣтой,—такъ и то, что во время кризиса болѣзни, она отклонила предложеніе—пригласить къ ней лютеранскаго пастора и пожелала видѣть своего новаго законоучителя, о. Симона Тодорскаго.

29 іюня 1744 г., на другой день послѣ принятія православнаго

исповѣданія, принцесса Софія, получившая при этомъ наименованіе Екатерины Алексѣвны, была обручена съ великимъ княземъ.

Съ этого времени ея положеніе, несмотря на недовольство при дворѣ ея матерью, все болѣе и болѣе упрочивается. Елисавета Петровна, хотя временами и бывала недовольна великой княжной за ея расточительность, вообще относилась къ ней очень внимательно, нерѣдко осыпала ее любезностями, восхваляла ея русское произношеніе, восторгалась ея красотой.

21 августа 1745 г. состоялось бракосочетаніе ангальтъ-цербстской принцессы съ великимъ княземъ Петромъ Ѳедоровичемъ, несмотря на то, что послѣдній нѣсколько разъ предъ тѣмъ серьезно болѣлъ, и придворные врачи совѣтовали повременить съ бракомъ. Елисавета Петровна снѣшила обезпеченіемъ престолонаслѣдія укрѣпить за собою императорскую корону.

Петръ Ѳедоровичъ былъ значительно слабѣе великой княгини не только физически, но и умственно, хотя и былъ на годъ старше ея. Уже будучи женатымъ, онъ часто проводилъ время за игрой въ деревянные солдатики, наряжалъ лакеевъ въ военные мундиры, раздавалъ имъ ружья, училъ ихъ маршировкѣ, обращая такимъ образомъ свою часть дворца чуть ли не въ казармы. Кромѣ того, въ его поступкахъ нерѣдко проявлялась необузданная грубость, безсердечное самодурство. За столомъ, напр., онъ издѣвался надъ служителями, обливалъ ихъ виномъ и позволялъ себѣ другія непристойныя шутки.

Послѣ одной изъ ребяческихъ продѣлокъ великаго князя, затронувшей личность самой императрицы, были приняты мѣры къ его обузданію. Съ этой цѣлью была дана особая инструкція приставленному къ нему лицу. Заодно и къ Екатеринѣ Алексѣвнѣ была назначена „знатная дама“, получившая также инструкцію, одинъ изъ пунктовъ которой требовалъ отъ великой княгини воздержанія отъ вмѣшательства какъ „въ здѣшнія государственныя или голштинскаго правленія дѣла“, такъ и „отъ излишней и тайной переписки“, такъ какъ великая княгиня „всегда свои потребныя письма въ нашей коллегіи иностранныхъ дѣлъ сочинять и къ подписанію себѣ приносить приказать можетъ¹⁾“. Составитель инструкціи, гр. Бестужевъ-Рюминъ, боясь, чтобы Екатерина Алексѣвна не была вовлечена своею матерью въ политическую интригу, постарался этимъ затруднить ея сношенія съ княгиней Іоганной-Елисаветой, которую ему удалось выжить изъ Россіи. Основнымъ же пунктомъ инструкціи, касающейся великой княгини, было предни-

¹⁾ Вильбасовъ „Исторія Екатерины II“, т. I, стр. 203.

саніе „брачную повѣренность между обоими императорскими высочествами возможнѣйше и неотмѣнно соблюдать“, который былъ продиктованъ нетерпѣніемъ императрицы имѣть наслѣдника у наслѣдника престола, чтобы тѣмъ ослабить тайныхъ сторонниковъ Ивана Антоновича.

Съ этого времени началась частая смѣна лицъ, окружавшихъ великокняжескую чету; въ большинствѣ удаляли людей, пользовавшихся довѣріемъ князя и княгини. Это обстоятельство отучило Екатерину Алексѣвну отъ привязанности къ кому-либо и заставило ее быть осторожной относительно каждаго новаго лица. Благодаря этому, говоритъ Бильбасовъ, „Екатерина все болѣе и болѣе знакоилась съ новыми лицами, съ разнообразными характерами; она пріучилась ладить съ одними, противодѣйствовать другимъ, уживаться со всѣми. Въ результатѣ получилась та гибкость въ житейскихъ сношеніяхъ съ людьми, то умѣніе пользоваться силами другихъ, та способность эксплуатировать, не оскорбляя, которая позже заставляла многихъ удивляться¹⁾“.

„Екатерину видѣли во всѣхъ придворныхъ спектакляхъ и маскарадахъ, на всѣхъ дворцовыхъ балахъ и выходахъ, всегда привѣтливою, веселою“, но въ своихъ покояхъ она первое время очень скучала, такъ какъ великій князь больше удѣлялъ времени собакамъ, чѣмъ ей. Только въ лѣтнее время она развлекалась охотой въ окрестностяхъ Ораниенбаума и верховой ѣздой.

Въ этотъ періодъ своей жизни великая княгиня пристрастилась къ чтенію, которымъ разгоняла скуку. Начавши съ французскихъ романовъ, она перешла къ *Lettres de M-me Sevigné*, ватѣмъ къ Вольтеру, „Исторіи Генриха Великаго“ Перефикса, „Исторіи Германіи“ Барра, къ „*Dictionnaire historique et critique*“ Беля.

Въ тѣ времена придворные нравы не отличались большой строгостью, и преступныя связи были въ порядкѣ вещей. Великій князь напр. волочился поочередно почти за всѣми придворными дамами. Къ періоду переписки онъ не измѣнился въ этомъ отношеніи, что видно изъ первыхъ строкъ письма великой княгини отъ 31 августа: „Новая страсть великаго князя къ гречанкѣ, которая при мнѣ, дѣлаетъ то, что его частое присутствіе въ моихъ комнатахъ мѣшаетъ мнѣ быть столь свободнымъ, какъ обыкновенно²⁾“.

Были тайные обожатели и у Екатерины Алексѣвны. Бильбасовъ какъ на таковыхъ указываетъ на малороссійскаго гетмана Кирилла Григорьевича Разумовскаго, камеръ-юнкера гр. Захара Григорьевича

¹⁾ Бильбасовъ „Исторія Екатерины II“, т. I, стр. 223.

²⁾ Переписка, стр. 110.

Чернышева и др. Но только камергеръ великокняжескаго двора, Сергѣй Васильевичъ Салтыковъ былъ удостоенъ благосклонности княгини. Онъ былъ довольно уменъ, обладалъ красивой наружностью, мягкими манерами, изысканностью въ обращеніи и, кромѣ того, умѣлъ скрывать свои недостатки.

Къ этому же времени, а именно, къ 1753 году, относится и сближеніе великой княгини съ канцлеромъ Бестужевымъ. Окруженная людьми, мало внушающими довѣрія, Екатерина Алексѣевна естественно обратила вниманіе на энергичнаго, пользовавшагося большимъ авторитетомъ при дворѣ, канцлера. Послѣдній же, окруженный врагами, нуждался въ поддержкѣ великой княгини. И они подали другъ другу руки.

Благодаря выполненію Екатериной главнѣйшаго пункта касающейся ея инструкціи, цѣль, преслѣдуемая этой инструкціей, была достигнута. 20 сентября 1754 г. она родила сына Павла. Елисавета Петровна восторженно привѣтствовала это событіе; она могла теперь спокойно спать: образъ дитяти-императора, Ивана VI, заслонялся колыбелью новорожденного великаго князя. Екатерина Алексѣевна отошла теперь на задній планъ; все вниманіе, всѣ взоры сосредоточились на колыбели малютки, котораго унесли отъ матери, какъ только спеленали. Екатерину же оставили безъ всякой помощи въ теченіе нѣсколькихъ часовъ на родильной постели. „Всѣ обстоятельства, сопровождавшія рожденіе Павла Петровича, говоритъ Бильбасовъ, произвели глубокое впечатлѣніе на великую княгиню. Ея самолюбіе подверглось за это время самымъ тяжкимъ испытаніямъ. Рожденіе перваго ребенка — важный переломъ въ жизни женщины; лично же для Екатерины, этотъ чисто фізіологическій процессъ усложнился такими психологическими особенностями, что произвелъ цѣлый переворотъ въ ея развитіи, придавъ совершенно иное направленіе не только ея чувствованіямъ, но и мыслямъ“. Она стала серьезнѣе смотрѣть на жизнь, начала критически относиться къ явленіямъ, мнѣніямъ и людямъ. Только теперь, по рожденіи сына, встрѣчается въ „Запискахъ“ Екатерины слѣдующее характерное признаніе: „Я начала видѣть вещи въ черномъ свѣтѣ и отыскивать въ предметахъ, представляющихся моему взору, причины болѣе глубокия и болѣе сложныя“¹⁾. У великой княгини отняли ребенка, и она, не находя исхода въ семейныхъ заботахъ, искала иного примѣненія своихъ силъ, тѣмъ болѣе, что теперь ей была предоставлена большая свобода. Такъ, къ концу 1754 г. она начала руководить управленіемъ Голштиніи, герцогомъ которой былъ

¹⁾ Бильбасовъ. „Исторія Екатерины II“ т. I, стр. 276—277.

великій князь. Тяготясь какимъ бы то ни было серьезнымъ занятіемъ, онъ поручилъ веденіе голштинскихъ дѣлъ великой княгинѣ. „Это была хорошая школа для Екатерины“, заявляетъ Бильбасовъ. „Вопросы религіи, права, образованія и экономіи, дѣла финансовыя, торговыя и промышленныя, весь сложный механизмъ управленія страной, со всею борьбою честолюбія, корысти, интриги—все проходило черезъ ея руки, со всею она знакомилась по масштабу довольно малому, но весьма полному. Ея политическіе взгляды формировались на докладахъ о голштинскихъ дѣлахъ, которыя предоставляли ей возможность практически знакомиться съ политико-государственными вопросами“¹⁾).

Свободное же время Екатерина по прежнему посвящала чтенію. Тацитъ, Монтескье, Вольтеръ имѣли глубокое вліяніе на ея взгляды, сужденія и на самый образъ мыслей.

Въ срединѣ 1755 г. прибылъ въ Петербургъ англійскій посоль Чарльзъ Гэнбюри Уилльямсъ. Живой, остроумный, изящный въ манерахъ, онъ произвелъ на Екатерину благопріятное впечатлѣніе во время перваго же своего появленія при великокняжескомъ дворѣ. Къ этому времени ему было свыше 45 лѣтъ. Онъ происходилъ, какъ мы видимъ изъ предисловія къ перепискѣ, изъ древней и зажиточной семьи и принадлежалъ къ партіи виговъ. Свое дипломатическое поприще онъ началъ съ Дрездена, куда былъ назначенъ посланникомъ, и скоро проявилъ свое умѣнье сближаться съ людьми, разгадывать самые различные характеры и пользоваться при переговорахъ слабыми сторонами противниковъ. Въ 1750 г. онъ былъ переведенъ отъ саксонскаго двора въ Берлинъ, но не понравился Фридриху II, и вскорѣ, по требованію прусскаго министерства, былъ отозванъ и назначенъ опять въ Дрезденъ. Находясь при дворѣ саксонскаго курфюрста Августа III, который одновременно былъ и польскимъ королемъ, Уилльямсъ нѣсколько разъ ѣздилъ въ Варшаву, гдѣ сблизился съ князьями Чарторыйскими и графами Понятовскими. Уѣзжая въ Россію, онъ предложилъ молодому графу Станиславу-Августу Понятовскому поѣхать въ Петербургъ въ качествѣ секретаря великобританскаго посольства, и тотъ явился въ русскую столицу вскорѣ по пріѣздѣ туда Уилльямса. Графъ увлекъ великую княгиню своею непринужденною веселостію, своимъ игривымъ остроуміемъ, красотою, умомъ и ловкостью. Это тѣмъ болѣе было возможно, что Екатерина, по условіямъ придворной жизни того времени, была лишена всякой живой дѣятельности. Слушаніе докладовъ по дѣламъ Голштиніи не удовлетворяло ее. Уже восьмой мѣ-

¹⁾ Бильбасовъ. „Исторія Екатерины II“, т. I, стр. 289.

сяцъ она была матерью перваго ребенка, но малютку удалили отъ нея заботъ, и она по цѣлымъ мѣсяцамъ не видѣла его; въ отцѣ же ребенка она къ тому времени успѣла разочароваться, признавъ его недостойнымъ той любви, которою онъ пользовался. Понятовскій очень скоро добился благосклонности великой княгини, и даже ее злая болонка ласкалась къ нему. Но не долго прожилъ Понятовскій въ этотъ разъ въ Петербургѣ. Спустя годъ, къ срединѣ 1757 г., онъ долженъ былъ, по требованію польско-литовскаго правительства, покинуть Россію.

Съ этого момента и начинается рассматриваемая нами переписка. Большая часть ея относится ко времени отсутствія Понятовскаго, такъ какъ съ его вторичнымъ пріѣздомъ въ Петербургъ, во второй половинѣ декабря 1756 г., обмѣнъ письмами, бывший раньше почти непрерывнымъ, сталъ болѣе рѣдкимъ, а съ 20-хъ чиселъ января до отъѣзда Уилльямса едва поддерживался.

Задавшись цѣлью, какъ было уже раньше указано, при помощи данной переписки освѣтить обнимаемый ею періодъ изъ жизни Екатерины II, мы предварительно остановимся на факторахъ, обуславливающихъ самый характеръ ея дѣятельности, падающей на названный періодъ.

Уже въ первомъ письмѣ великой княгини мы находимъ мимо-летное замѣчаніе: „Чье-то здоровье никогда не было столь распатаннымъ“, и далѣе: „Достовѣрно то, что вода поднялась въ нижнюю часть живота“¹⁾. На это Уилльямсъ отвѣчаетъ: „У кого вода поднялась въ нижнюю часть живота, тотъ уже обреченный человекъ“²⁾. Эти замѣчанія какъ бы вскользь были сдѣланы въ началѣ августа. Записку же отъ 30 августа великая княгиня заканчиваетъ словами: „Чье-то здоровье все хромаетъ“³⁾. Имя больного, повидимому, не указывалось изъ тѣхъ же соображеній, по которымъ великая княгиня не подписывалась подъ своими записками. Это, вѣроятно, дѣлалось на случай, если какое-либо изъ писемъ попадетъ въ постороннія руки. Поэтому же и упоминаемые въ перепискѣ лица назывались какими-либо условными именами. Впрочемъ, относительно именъ осторожность соблюдалась только въ началѣ переписки. Поэтому, изъ письма Екатерины Алексѣвны отъ 4 октября мы видимъ, о какомъ больномъ рѣчь шла раньше. „Такъ какъ вы хотите новостей, пишетъ она Уилльямсу, (то) знайте, что комета была видна третьяго дня и вчера среди бѣлаго дня, что внезапная смерть барона

¹⁾ Переписка, стр. 7.

²⁾ Тамъ же, стр. 13.

³⁾ Тамъ же, стр. 109.

Строганова.... и эта комета наводятъ такой страхъ на императрицу, что усилилось задыханіе, что боли въ нижней части тѣла въ связи съ постоянными недомоганіями, которыя вы знаете, даютъ поводъ опасаться рака, что ноги, тѣмъ не менѣе, опухли, и водянка несомнѣнна“¹⁾). Такъ какъ и въ указанныхъ раньше письмахъ говорилось о больномъ водянкѣ, то ясно, что и тогда рѣчь шла объ императрицѣ, тѣмъ болѣе, что, нѣсколько дней спустя, великая княгиня, говоря о больномъ, опять не упоминаетъ его имени. „Вчера, среди дня“, сообщаетъ она англійскому послу: „случились три головокруженія или обморока. Она боится и сама очень пугается, плачетъ, огорчается и, когда спрашиваютъ у нея, отчего, она отвѣчаетъ, что боится потерять зрѣніе. Бываютъ моменты, когда она забывается и не узнаетъ тѣхъ, которые окружаютъ ее. Говорятъ однако, что она хорошо провела ночь, и что сегодня она перейдетъ въ Зимній дворецъ“²⁾). Здѣсь уже вполне ясно, что рѣчь идетъ объ императрицѣ, хотя ея имя и опущено, тѣмъ болѣе, что Уилльямсъ на это сообщеніе отвѣтилъ: „Я смотрю на болѣзнь императрицы, какъ на роковую“³⁾).

Мы видимъ, что къ началу переписки Елисавета Петровна была уже больна. Оправилась же она къ срединѣ декабря, что видно изъ слѣдующаго: къ запискѣ отъ 10 декабря великая княгиня прибавляетъ: „Императрица все въ томъ же состояніи: вся вздутая, кашляющая и безъ дыханія, съ болями въ нижней части тѣла“⁴⁾). Въ письмѣ же отъ 13 декабря она заявляетъ: „Императрица ѣдетъ въ деревню“, а немного ниже: Кондоиди (лейбъ-медикъ императрицы) настоятельно проситъ, чтобы она снова продолжала (принимать) лекарства, которыя ей такъ помогли въ эту осень, такъ какъ, сказалъ онъ, весна можетъ быть пагубной“⁵⁾). Кромѣ того съ этого числа въ перепискѣ уже не упоминается о болѣзни императрицы. Такимъ образомъ самая оживленная переписка между Екатериной Алексѣвной и Уилльямсомъ падаетъ на самый тяжелый періодъ болѣзни Елисаветы Петровны.

Что императрица была опасно больна, видно изъ приведенныхъ нами выдержекъ. Поэтому всѣ, знавшіе о ходѣ ея болѣзни, предусматривали скорую перемѣну на престолѣ. Хотя императрица еще съ 1743 г. объявила наслѣдникомъ престола Петра Ѳеодоровича, но

1) Переписка, стр. 194.

2) Тамъ же, стр. 211.

3) Тамъ же, стр. 212.

4) Тамъ же, стр. 298.

5) Тамъ же, стр. 300.

условія могли сложиться такъ, что онъ окажется обойденнымъ. Это тѣмъ болѣе было возможно, что сама императрица не любила своего племянника, не питала очень нѣжныхъ, родственныхъ чувствъ и къ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, и оба они не имѣли постояннаго доступа къ ней. Даже во время ея болѣзни великой княгинѣ не удавалось бывать у нея, что косвенно можно заключить изъ цитированнаго уже письма Екатерины отъ 17 октября, гдѣ, послѣ сообщенія о припадкахъ, она заявляетъ, что ея хирургъ предсказываетъ скорый конецъ императрицы, и затѣмъ добавляетъ: „У меня имѣются три лица, которыя не выходятъ изъ ея комнаты и которыя не знаютъ, каждое въ отдѣльности, что они меня предупреждаютъ и не преминуть въ рѣшительный моментъ сдѣлать это“¹⁾. Дѣйствительно, если бы Екатерина Алексѣевна сама имѣла доступъ къ императрицѣ, то не было бы для нея необходимости имѣть при больной людей, какъ бы стерегущихъ ея смерть. Впрочемъ, въ перепискѣ мы имѣемъ и прямое указаніе на то, что великой княгинѣ далеко не часто приходилось бесѣдовать съ Елисаветой Петровной. Въ послѣднемъ изъ дошедшихъ до насъ писемъ къ Уилльямсу она писала: „Господа Шуваловы боятся меня у императрицы, и, взвѣсивъ все, я не знаю, если бы нечаянное счастье дозволяло мнѣ имѣть болѣе частый доступъ къ ней, и она стала привыкать ко мнѣ, не приобрѣлъ бы я, дѣйствительно, большее вліяніе на ея умъ“²⁾?

Кромѣ того, Петра Федоровича могли обойти, потому что императрицу окружали люди, враждебные великокняжескому двору. Зная его, какъ человѣка неспособнаго къ управленію, они могли убѣдить императрицу устранить его, а вмѣстѣ съ нимъ, конечно, и великую княгиню, а престолъ передать ихъ сыну, Павлу Петровичу. Они могли также, составивъ заговоръ, возвести на престолъ и сверженнаго императора, Ивана Антоновича.

Что подобныя опасенія роились и въ головѣ великой княгини, видно изъ ея письма къ Уилльямсу отъ 8 августа, въ которомъ, знакомя послѣдняго со своимъ образомъ дѣйствій по отношенію къ Шуваловымъ, она добавила: „Я поступлю такъ въ настоящую минуту только въ виду возможности наступленія предсмертнаго часа; я имѣю цѣлью, въ этомъ случаѣ, оттянуть, въ ожиданіи улучшенія, осуществленіе замысловъ, которые Шуваловы изъ отчаянія привели бы, можетъ быть, скорѣе въ исполненіе“³⁾. На это же указываетъ и планъ, который она проектировала на случай смерти им-

¹⁾ Переписка, стр. 211.

²⁾ Тамъ же, стр. 342.

³⁾ Тамъ же, 22 стр.

ператрицы: „Когда я получу, пишетъ она 18 августа, предупрежденіе настолько вѣрное, что нельзя будетъ допустить ошибки. о началѣ предсмертныхъ припадковъ, я прямо пойду въ комнату моего сына. Если я встрѣчу или смогу очень скоро призвать оберъ-егермейстера ¹⁾, я оставляю его при сынѣ съ людьми, находящимися подъ его начальствомъ. Если нѣтъ,—я возьму его къ себѣ въ комнату. Равнымъ образомъ пошлю челоуѣка предупредить пять гвардейскихъ офицеровъ, на которыхъ я могу положиться; каждый изъ нихъ приведетъ мнѣ пятьдесятъ солдатъ.... которыхъ, можетъ быть, я пущу въ дѣло, но которые будутъ сопровождать меня въ видѣ запаса, во избѣжаніе всякихъ помѣхъ. Замѣтите, что они получаютъ приказаніе только отъ великаго князя и отъ меня. Я пошлю предупредить канцлера, Апраксина, Ливена ²⁾, чтобы они пришли ко мнѣ, а въ ожиданіи ихъ, я войду въ покои умирающей, куда я велю позвать капитана, командующаго карауломъ, и я лично приму его присягу и удержу его при себѣ. Мнѣ кажется, что будетъ лучше и безопаснѣе оставить обоихъ великихъ князей вмѣстѣ, чѣмъ если бы одинъ изъ нихъ меня сопровождалъ; равнымъ образомъ я думаю, что мѣстомъ сбора моихъ людей будетъ моя передняя. При какомъ-либо движеніи и даже самомъ малѣйшемъ, которое я бы замѣтила, я велю какъ своимъ людямъ, такъ и солдатамъ караула взять подъ стражу Шуваловыхъ и дежурнаго генераль-адъютанта. Прибавьте къ этому, что младшіе офицеры лейбъ-компанцы—люди надежные, и хотя я не имѣю сообщеній со всѣми, но я могу въ достаточной мѣрѣ разсчитывать на двухъ или трехъ изъ нихъ и настолько пользуюсь уваженіемъ, что заставляю повиноваться мнѣ всякаго, кто не подкупленъ“ ³⁾. Но немного позже, въ письмѣ отъ 27 августа, она высказываетъ чуть-ли не фатальное убѣжденіе въ успѣхѣ своего дѣла: „Невидимая рука, которая меня вела тринадцать лѣтъ по очень кочковатому пути, не допуститъ, чтобы я погибла, въ этомъ я очень сильно и, можетъ быть, очень глупо убѣждена“ ⁴⁾. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы такое убѣжденіе сложилось въ ней безъ предварительнаго взвѣшиванія всего причастнаго къ этому дѣлу. На это углубленіе въ обстоятельства указываетъ ея письмо отъ 9 августа, гдѣ она говоритъ: „Предположимъ... самые дурные замыслы противъ меня. Въ какое время, по-вашему, они осуществятся? Случится ли это при жизни императрицы? Вы знаете невозмож-

¹⁾ Графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій.

²⁾ Подполковникъ конной гвардіи.

³⁾ Переписка, стр. 47—48.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 91.

ность дѣйствительныхъ рѣшеній, всеобщее неудовольствіе, въ особенности между военными, къ тому же—страхъ передъ тремя или четырьмя живыми претендентами (а эта статья производитъ на нее очень сильное впечатлѣніе), которымъ она предпочитаетъ своихъ близкихъ. Наконецъ, вслѣдствіе своего робкаго характера, она, какъ я надѣюсь, при своей жизни остановится предъ препятствіями, которыя могутъ возникнуть, если бы она основала всѣ свои надежды на судьбѣ двухлѣтняго ребенка. Затѣмъ, всякій насильственный переворотъ долженъ совершиться въ два или три часа времени; къ тому же, захотятъ ли они насъ устранить или намъ связать руки, они не могутъ это произвести одни. Нѣтъ вовсе офицеровъ, которые не были бы освѣдомлены, и лишь бы съ моей стороны были приняты предосторожности, чтобъ быть оповѣщеннымъ въ-время, и кто-либо изъ восьмерыхъ меня предупредилъ, вина будетъ на моей сторонѣ, если возьмутъ верхъ надъ нами. Но будьте увѣрены, что я не сыграю спокойной и слабой роли шведскаго короля, и что я буду царствовать или погибну. Я поэтому не отношусь съ презрѣніемъ къ пріѣзду французскаго посла. Я смотрю на него, какъ на врага, вооруженнаго съ ногъ до головы, особенно при участіи Австріи, которая мнѣ кажется еще опаснѣе вслѣдствіе довѣрія, которое къ ней питаютъ, и поддержка которой производитъ впечатлѣніе на императрицу¹⁾. Опасенія относительно престолонаслѣдія побуждали великую княгиню выяснить себѣ, какую роль будутъ играть при этомъ представители иностранныхъ державъ. И, какъ мы могли вывести изъ послѣдней выдержки, въ лицѣ еще не пріѣхавшаго французскаго посла она видѣла своего врага. Не особенно доброжелательно она отзывается и объ Австріи.

Такому отношенію великой княгини къ указаннымъ державамъ не мало способствовалъ Уилльямсъ.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, ему пришлось прежде всего позаботиться о томъ, чтобы возобновить съ Россіей субсидійный договоръ, заключенный въ 1742 г. Онъ быстро успѣлъ освоиться съ придворной жизнью въ Петербургѣ, и уже въ сентябрѣ 1755 г. былъ подписанъ договоръ, по которому Россія обязалась держать подъ ружьемъ для защиты интересовъ Англіи 55.000 человекъ за ежегодную плату въ полмилліона фунтовъ стерлинговъ. Но съ обмѣномъ ратификацій по этому договору медлили, такъ какъ при русскомъ дворѣ требовали болѣе точнаго указанія въ договорѣ—противъ кого могутъ быть направлены эти 55 тысячъ человекъ, боясь, что, въ противномъ случаѣ, Англія потребуеть, чтобы эти

¹⁾ Переписка, стр. 26—27.

силы были отряжены на защиту Ганновера, владѣтелемъ котораго былъ англійскій король, отъ нападеній со стороны Франціи. Когда же въ Петербургъ получили извѣстіе о вестминстерскомъ договорѣ, заключенномъ въ январѣ 1756 г. между Англіей и Пруссіей, то Елисавета Петровна категорически заявила въ „секретнѣйшей деклараціи“, что субсидійный договоръ, ратификація котораго была произведена за нѣсколько дней передъ тѣмъ, заключенъ ею именно противъ Пруссіи. Послѣ этого англійское министерство хотѣло отозвать Уилльямса, противъ чего возсталъ Фридрихъ II. И Уилльямсу, которому было поручено, при назначеніи въ Петербургъ, возбудить Россію противъ Пруссіи, предписывалось теперь ратовать при русскомъ дворѣ уже въ пользу прусскаго короля, какъ союзника Англии. Въ его-то лицѣ Фридрихъ II и нашелъ горячаго сторонника.

Не пользуясь, съ переменной своей политики, серьезной поддержкой кого-либо изъ имѣвшихъ въ то время значеніе при дворѣ, Уилльямсъ рѣшилъ обезпечить себѣ успѣхъ, на случай перемены на русскомъ тронѣ. А такая переменна, казалось, могла случиться въ недалекомъ будущемъ, въ виду серьезнаго недомоганія императрицы. Наслѣдника же престола ояъ, какъ и другіе, считалъ ничтожествомъ, и потому его взоры направились на великую княгиню. Это случилось, быть можетъ, еще по тому, что, вѣроятно, изъ того факта, что Петръ Федоровичъ передалъ веденіе голштинскихъ дѣлъ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, англійскій посоль заключилъ, что такимъ же образомъ великій князь будетъ добровольно отстраняться отъ дѣлъ въ пользу своей жены и тогда, когда станетъ императоромъ. Въ подтвержденіе послѣдняго предположенія, можно сослаться на то, что когда великая княгиня въ апрѣлѣ 1757 г. просила Уилльямса похвалить „ея высочество великую княгиню его высочеству великому князю, совѣтуя ему, какъ истинный и вѣрный другъ, слушаться полезныхъ совѣтовъ этой умной головы“¹⁾, англійскій посоль отвѣтилъ: „Я воспою похвалы извѣстной особѣ, какъ генераль дѣлаетъ относительно офицера, котораго онъ хочетъ сразу провести черезъ головы пятидесяти другихъ“ и затѣмъ, что для насъ и важно, добавилъ: „И ко всему тому, что вы говорите, я прибавлю, если вамъ угодно, что военнаго департамента будетъ совершенно достаточно ему, безъ того, чтобъ онъ вмѣшивался во внутреннія дѣла и въ политику“²⁾.

Какъ видно изъ самаго факта переписки, стараніе Уилльямса

¹⁾ Переписка, стр. 336.

²⁾ Тамъ же, стр. 337.

привлечь симпатіи великой княгини увѣнчались успѣхомъ. Уже въ первомъ изъ дошедшихъ до насъ писемъ къ нему великая княгиня говоритъ: „Дружба, которую вы мнѣ оказали, заставляетъ меня не сомнѣваться въ томъ, что вы продолжите ваши совѣты, кои были до сей поры мнѣ столь полезны“¹⁾. Она часто просила у англійскаго посла совѣта по тому или другому вопросу. Такъ, въ письмѣ отъ 8 сентября великая княгиня говоритъ: „Ради Бога, дайте мнѣ ваши совѣты... помогите мнѣ извлечь пользу изъ этого человѣка“²⁾ (рѣчь идетъ о великомъ канцлерѣ Бестужевѣ). Далѣе, когда на предложеніе Апраксина привлечь Измайлова въ посредники между нею и Петромъ Шуваловымъ, она отвѣтила, что подумаетъ, то такъ поступила, какъ затѣмъ признавалась, „только для того, чтобы узнать... мнѣніе“³⁾ по этому дѣлу англійскаго посла“. Не разъ посылала она къ Уилльямсу и наброски предполагаемыхъ къ кому-либо писемъ. На это намъ указываетъ приложеніе къ ея письму отъ 15 ноября, начинающееся словами⁴⁾: „Вотъ какъ я думаю написать Ивану Ивановичу“. Далѣе въ письмѣ отъ 8 января 1757 г. она пишетъ: „А вотъ отвѣтъ (канцлеру на письмо Бернсторфа⁵⁾), который я думаю сдѣлать“⁶⁾, и прилагаетъ проектъ отвѣта.

Но этимъ не могло удовлетвориться честолюбивое сердце англійскаго посла. Ему было заманчиво былое положеніе при русскомъ дворѣ Шетарди и Лестока, и онъ старается при помощи переписки приобрѣсть нѣкъмъ нераздѣлимое вліяніе на Екатерину, чтобы затѣмъ руководить русской политикой согласно съ интересами Англии и прусскаго короля. Поэтому, онъ прежде всего старается втянуть великую княгиню въ политику и привить ей желательныя для него политическія симпатіи, завѣряя почти въ каждомъ своемъ письмѣ въ „вѣчной и ненарушимой привязанности“. Уже въ первомъ изъ сохранившихся до насъ писемъ, гдѣ Уилльямсъ сообщаетъ великой княгинѣ о томъ, что ему поручено прусскимъ королемъ заявить предъ русскимъ дворомъ, „что вооруженія, которыя онъ производилъ въ своихъ владѣніяхъ, не имѣли иной цѣли, кромѣ его собственной защиты и защиты его владѣній“⁷⁾ и что онъ не думаетъ предпринять наступательнаго движенія противъ Россіи, онъ до-

¹⁾ Переписка, стр. 4—5.

²⁾ Тамъ же, стр. 133.

³⁾ Тамъ же, стр. 164.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 269.

⁵⁾ Датскій первый министръ.

⁶⁾ Переписка, стр. 318—320.

⁷⁾ Тамъ же, стр. 1—2.

бавляетъ: „одно изъ средствъ, которымъ наши враги пользуются для того, чтобы поддержать холодныя отношенія между королемъ, моимъ государемъ, и ея величествомъ императрицей, заключается въ ежедневной передачѣ императрицѣ всякой лжи на счетъ... короля прусскаго“.

Подъ своими и великой княгини „врагами“ Уильямсъ разумѣлъ Шуваловыхъ и другихъ сторонниковъ союза съ Франціей.

Д. Архангельскій.

